РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ

№ 132

ПЕРЕПИСЬ - 2002: ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ

ПЕРЕПИСЬ - 2002: ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

ISBN 5-201-14658-9(12)
© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии" Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 132.
Редакционная группа: В.А.Тишков (отв.ред.) Н.А.Лопуленко М.Ю.Мартынова
Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакцион ной группы
При использовании ссылка на материалы обязательна

Документ № 132

ПЕРЕПИСЬ - 2002: ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

Содержание

Чешко С.В. Перепись населения: кого считать и как считать? (3)

Козлов В.И. Этнология и перепись населения (11)

Соколовский С.В. Перепись 2002 г.: игры по Витгенштейну (14) Тишков В.А. Трансформации, статистика и перепись населения

России (20)

Об авторах

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН, специалист в области этнополитологии.

Козлов Виктор Иванович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Специалист в области этнодемографии, этноэкологии, теории этнологии.

Соколовский Сергей — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Специалист в области этнополитологии, теории и истории этнологии.

Тишков Валерий Александрович — доктор исторических наук, профессор, директор Института этнологии и антропологии РАН. Специалист в области теории этнологии, этнополитологии.

About the Authors

Serguei Cheshko – Doctor of History, Deputy Director of the RAS Institute of Ethnology and Anthropology, a specialist on the ethnopolitical problems.

Victor Kozlov - Doctor of History, Researcher of the RAS Institute of Ethnology and Anthropology, a specialist on the ethnodemography and ethnoecology.

Serguei Sokolovski – Ph. D., Researcher of the RAS Institute of Ethnology and Anthropology, a specialist on the problems of the indigenous and minority rights, ethnicity and conflict.

Valery Tishkov - Doctor of History, Professor, Director of the RAS Institute of Ethnology and Anthropology, a specialist on the theory of the ethnology including ethnopolitical problems.

Summary

2002 CENSUS: THE PROBLEMS AND THE PROPOSALS.

This issue of our edition is devoted to some methodological and practical problems in connection with the forthcoming 2002 Census of the Russian Federation. The authors of the reports criticizes the traditional methods used to determine ethnic composition of the country's population and its linguistic characteristics, and proposes a number of steps and measures to ensure obtaining more reliable data in the course of the Census.

This issue of our edition is devoted to some methodological and practical problems in connection with the forthcoming 2002 Census of the Russian Federation. The authors criticizes the traditional methods used to determine ethnic composition of the country's population and its linguistic characteristics, and proposes a number of steps and measures to ensure obtaining more reliable data in the course of the Census. These include: 1) to discard the codified list of peoples which would otherwise serve as a reference point in the course of the collection and primary processing of the Census data, and adopt instead an open list principle which would register absolutely all kinds of ethnic self-identification; 2) to introduce a double- or triple identity (i.e. nationality) category; 3) to introduce the category of **Rossians** (so that to indicate the pluralistic identities other than those of particular ethnic groups); 4) instead of the category «mother tongue» to introduce a category of «basic language of communication»; and 5) to allow registering more than one «basic» as well as other languages the respondents might be «fluent» in.

The draft list of nationalities for the Census of 2002 has been submitted by Roskomstat for critical evaluation by ethnologists. The timing of submission of the list, containing a score of serious mistakes, suggests that it is much more a claim for scientific legitimization of a bureaucratic endeavor than a dialogue with the aim of obtaining a better census instrument. Open list approach and concomitant conceptions of ethnicity and ethnic categories are discussed.

С.В. Чешко

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ: КОГО СЧИТАТЬ И КАК СЧИТАТЬ?

Обещанного три года ждут

В 2002 г., с опозданием в три года, наконец-то (будем надеяться) пройдет первая перепись населения Российской Федерации, если, конечно, очередные финансовые неурядицы вновь не сорвут это важнейшее для страны дело. Значение предстоящей переписи по сравнению с предыдущими советскими переписями особенно велико. Она должна показать, как изменилось общество после исчезновения СССР, каковы результаты сложных, зачастую драматических социально-экономических и политических катаклизмов, резко усилившихся миграционных процессов. В связи с этим есть смысл задуматься, что мы будем иметь в итоге.

Нехорошо уже то, что по причине переносов сроков переписи нарушился привычный 10-летний цикл, что затруднит сопоставление данных. А учитывая, что итоговые материалы переписи будут опубликованы в лучшем случае не раньше, чем еще через три-четыре года, потребители статистической информации (включая ученых) получат ее почти через 20 лет после предыдущей переписи. Отсутствие сколько-нибудь достоверных статистических данных в условиях резких трансформаций в составе и численности народонаселения, демографических показателях, социально-экономических характеристиках после 1991 г. создало огромные трудности в исследовании тенденций развития российского общества и, надо полагать, для государства в планировании его внутренней политики. Публикации конца 1990-х гг. основывались на явно устаревших материалах Всесоюзной переписи 1989 г. и потому не могут считаться вполне адекватными. А поскольку общественные процессы в постсоветскую эпоху характеризуются гораздо большим динамизмом, чем прежде, то и данные переписи 2002 г. тоже могут устареть до их обнародования.

Остается только удивляться недальновидности государства, которое экономит на том, что ему нужно в первую очередь, - на познании общества, которым оно пытается управпять

К сказанному следует добавить, что, скорее всего, материалы переписи опять, как и предыдущие два раза, опубликуют в виде небольшой книжки, содержащей лишь самые общие сведения, сославшись на недостаток средств. Очевидно, однако, что отнюдь не недостаток средств явился причиной того, что материалы переписей 1979 и 1989 гг. были обнародованы в столь урезанном варианте. Едва ли у государства в те годы имелось меньше финансовых возможностей, чем, например, в 1926 г., когда вышло 56 солидных томов. В дальнейшем число томов неуклонно сокращалось, хотя страна не становилась беднее. Видимо, причиной этого служили не финансовые трудности, а нежелание дать обществу подробную информацию. Р. Пуанкаре называл статистику особым видом лжи. Видимо, поэтому советское государство в период "застоя" предпочитало не лгать, а поменьше говорить.

Проблема номенклатуры этнических обшностей

Говоря о предполагаемой переписи, следует сказать о серьезных опасениях относительно правильности определения этнического состава населения России. Такие опасения имеются у многих этнологов, о чем, в частности, свидетельствовало обсуждение подготовительных материалов Госкомстата РФ к переписи на заседании Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН в марте 2000 г. Еще одним основанием для беспокойства является то, что материалы готовились без участия сотрудников института, хотя прежде они неизменно были основными разработчиками этнологической части переписей. В результате в представленном Госкомстатом перечне народов и языков оказалось так много неточностей и просто грубых ошибок, что Ученый совет забраковал его целиком.

Главная проблема заключается в определении методологических принципов фиксации этнического состава населения и языковой ситуации в стране. Этнические коллизии всех послевоенных переписей сводились по сути только к тому, чтобы заранее составить список народов, которые будут присутствовать в итоговых материалах. Хотя со временем было признано, что критерием национальной принадлежности может считаться только личное самоопределение граждан, все виды этнической самоидентификации долженствовали быть втиснутыми в такие списки. Если какое-то (этническое) самоназвание выходило за рамки перечня, его включали как самоназвание субэтнической группы в тот или иной кодифицированный этноним и не показывали в итоговых материалах. Задача этнологов состояла только в том, чтобы с "научной точки зрения" составить список, т.е. включить в него одни этнонимические группы и не включить другие.

В советское время эволюции научноэтнографической мысли в данном вопросе были обусловлены не только самим развитием науки, но и заказом со стороны государства. Вместе с тем не следует сводить проблему к колебаниям советского политического режима между тотальной ассимиляцией (чего, кстати, никогда не было) и этническим плюрализмом. Суть дела заключалась в том, что этническая структура общества оказалась во сопряжена c государственнополитической и административно-территориальной структурами, этничность была политизирована. Будучи созданной, "национально-государственная" система, включала национально-территориальные образования различных уровней и в дальнейшем диктовала свои правила игры. Она обусловливала признание или непризнание того или иного народа, что зачастую было связано с ассимиляторскими установками правящих региональных этнических элит. Именно их политикой объяснялось, например, то, что долгое время в переписях населения памирские народы включались в состав таджиков, замалчивалось существование татов, а отчасти и

талышей в Азербайджане. Таких примеров можно привести немало.

В годы "перестройки" и после распада СССР, казалось, должно было произойти "раскрепощение" этничности, освобождение её от бюрократических пут огосударствления. Однако мы наблюдаем прямо противоположное - усиление политизации этничности, что и неудивительно: постсоветская Россия сохранила главный порок советской государственной системы - политическое статуирование этносов. Это объясняется не только устойчивостью идеологических стереотипов в "национальном вопросе", созданных в советское время, но и тем, что они послужили основой и для разрушения СССР, и для "парада внутренних суверенитетов" в самой России. Поэтому вполне логично, что в 1990-е годы начался лавинообразный процесс, так сказать, этнического грюндерства, когда стали возникать национальные движения и организации, требующие официального признания соответствующих групп населения в качестве самостоятельных этносов.

В одних случаях это были "забытые" народы, исчезнувшие из переписей населения, в других - народы или субэтнические общности, которые никогда прежде не выделялись отдельно, да и не претендовали на это (эрзя и, в меньшей степени, мокша, сибирские татары ИХ подразделения, тувинцытоджинцы, кереки и др.). Наконец, встречаются случаи довольно экзотические, как, например, создание булгарских общин, требующих внести булгар в переписные списки и разрешить указывать в паспортах граждан эту национальную принадлежность.

Подобные примеры зачастую обусловлены целью получить какой-то статус, а вместе с ним - политические и экономические выгоды. Играет роль и просто желание народов считаться самостоятельными, уникальными и, конечно, древними - чем древней, тем лучше. Причудливые претензии на историческое родство с шумерами, хеттами, этрусками и др. имеют вполне рациональное зерно в рамках нерациональной, искаженной системы "национально-государственного устройства" РФ, унаследованной от СССР: если мой народ существует много веков или тысячелетий, значит, он имеет особые, преимущественные права по сравнению с соседними народами, в том числе исключительное право на собственную "этническую территорию". Это все хорошо знакомо. Собственно, с дискуссий о древности, историческом наследии, этногенетической чистоте народа начинались все коллизии, которые привели в 1980-1990-е гг. к формированию политических национальных движений.

Пока советский политический режим сохранял контроль за встроенную в него этничность, определение номенклатуры "официально признанных" народов было главным образом проблемой взаимоотношений центральной и республиканских правящих элит, а ученые, составляя такие списки, в принципе не зависели ни от каких других привходящих факторов, кроме как от указаний центральпартийно-государственных органов. Теперь ученые освобождены от такого командования, но они стали, пожалуй, не менее зависимыми в психологическом отношении от республиканских властей, национальных ассоциаций, мнения "прогрессивной общественности". Зачастую ученые оказываются как бы между жерновами разных, диаметрально противоположных требований, не будучи в состоянии предложить решения, которые не вызвали бы ничьих протестов. Включать или не включать тот или иной народ в список значит наверняка вызвать обвинения в подрывной деятельности против большего этноса или, наоборот, в шовинизме и нарушении прав этноса-претендента на самостоятельность.

Напрашивающийся выход из положения придерживаться правила научной объективности - оказывается неверным. Во-первых, ученые никогда не будут абсолютно "объективны", поскольку они в большей или меньшей степени подвержены влиянию общественного мнения, идеологическим пристрастиям, зависимы от государства или местных властей. Образ башни из слоновой кости не подходит. Во-вторых, научная объективность - это вообще абстракция, по крайней мере в гуманитарных науках по причине их неточности и решающей роли индивидуальности самого исследователя. Подбор и отбор фактов, их интерпретация и концептуализация результатов работы с фактами всегда субъективны. "Объективность" чаще всего означает не строгую доказательность, а некий консенсус большинства по поводу тех или иных выводов и концепций. И такой объективности становится тем меньше, чем больший плюрализм по части идеологии и методологии приобретает наука, что и произошло в последние годы с отечественной этнологией.

Вариант решения этнонимический подход

Если оставить в стороне вненаучные факторы, влияющие на определение номенклатуры этнических общностей, то на первый план выйдут сугубо теоретические проблемы, главная из которых - критерии идентификации этнических общностей. Ни одна из существующих классификаций, принятых в этнологии (лингвистическая, расовая, конисторико-культурная), фессиональная, является собственно этнической. Все они отражают лишь отдельные характеристики человеческих общностей, но отнюдь не то, что можно назвать сутью этнического 1.

Комплексно-онтологический подход, содержащийся, например, в отечественной "теории этноса", имеет значение для познания природы, развития, взаимодействия этнических образований. Однако он не может дать четкого ответа на вопрос о том, когда перед нами этнос, а когда - субэтническая или вообще неэтническая группа. Даже базовый признак, принятый этнологами в классификациях народов, - язык на поверку оказывается далеко не бесспорным, так как разделение на языки, диалекты и говоры - это тоже результат консенсусной типологизации. Строго говоря, невозможно доказать, что русские, украинцы и белорусы говорят на разных языках, а не на диалектах одного восточнославянского языка. Не говоря уж о том, что языковый критерий в некоторых случаях вообще не действует. Классический пример – разные народы говорят практически на одном и том же языке (немцы и австрийцы, французы и франкоканадцы, англичане и англосаксы США, Канады, Австралии, Новой Зеландии). Есть примеры и другого рода, когда этнос не имеет единого языка. Что бы ни утверждали идеологи эрзянской самостоятельности, по общему признанию ученых, существует этнос мордва, но нет единого мордовского языка (вопреки, например, представлениям Госкомстата РФ), а есть мокшанский и эрзянский языки.

Прикладные дискуссии в связи с предстоящей переписью населения показывают, что ни прежняя бюрократическая процедура, ни устоявшиеся или новейшие концептуальные построения не позволяют в должной мере отразить этническую структуру российского общества и динамику ее развития, поскольку все такие концепции вступают в противоречие с базовым принципом переписей — этническим самосознанием граждан. Все теории признают этот фактор важнейшим в исследовании этнических процессов. Разница заключается в том, что теории учитывают много других аспектов, и это правильно в контексте теоретических размышлений, а для переписи нужен одинединственный критерий. В качестве такового может выступать только собственная этническая самоидентификация людей. Разумеется, это очень субъективный показатель, но такая субъективность все же лучше, чем навязанная людям субъективность со стороны государства с помощью ученых или идеологов национальных движений.

Более десяти лет назад М.В. Крюков, обсуждая практику проведения переписей, предлагал отказаться от составления предварительных списков народов и взять в качестве основного этнонимический принцип фиксации народов тогдашнего СССР, т.е. фиксации всех существующих этнических самоназваний². Тогда это предложение не нашло понимания, потому что шло вразрез с нормативными теоретическими представлениями и пугало разгулом субъективизма и конъюнктурщины. Позднее В.А. Тишков критиковал М.В. Крюкова, но по другой причине – за то, что он продолжал верить в возможность таких научных процедур, которые позволили бы выработать адекватный список народов страны3.

Отчасти с такой критикой можно согласиться, поскольку М.В. Крюков, с одной стороны, справедливо указывал на недостатки старой системы фиксации народов, а с другой, - предлагал ее заменить иной, более "научной": "...Актуальной практической задачей советских этнографов является обеспечение переписи населения теоретическим обоснованием, соответствующим современному уровню исследований в области теории этноса"4. Следует, однако, учитывать, что в конце 1980-х гг. "теория этноса" еще оставалась безусловной методологической нормой для советских этнологов (и это, кстати, было лучше, чем прежнее доминирование официозной "теории наций"). Кроме того, ученые были искренне убеждены в способности науки дать практические рекомендации абсолютно по всем вопросам жизни общества и настойчиво убеждали чиновников в необходимости строить политику государства на научной основе. Только с течением времени стало приходить понимание того, что наука не всесильна и теоретические разработки

далеко не всегда пригодны для сугубо практических нужд, что непосредственное применение таких разработок в политике или идеологии даже может принести вред. Характерный тому пример — недобросовестная эксплуатация отдельных элементов "теории этноса" идеологами этнонационализма.

Заслуга М.В. Крюкова именно в том, что в тех условиях он сформулировал (отчасти обобщив и "вербализовав" мысли коллег) некоторые принципиальные идеи, которые противоречили тогдашним стереотипам, а ныне выглядят весьма актуально.

Сегодня опасения, связанные с кардинальными изменениями в процедуре фиксации этнических общностей, вроде бы получают дополнительное основание в связи с резко усилившейся политизацией этничности и тем самым "этническим грюндерством", о котором я писал выше. Однако, если задуматься, этнонимический подход оказывается наиболее нейтральным с точки зрения этнологической теории, поскольку он не противоречит никаким конкурирующим концепциям. Он наиболее инструментален с точки зрения практических нужд государства, включая цели переписи населения, так как позволяет отразить все многообразие этнической мозаики населения страны. Он, наконец, наиболее компромиссный с идеологической точки зрения, потому что избавляет государство и ученых от необходимости заранее и однозначно ответить на вопрос, существует или не существует та или иная этническая общность. Ответ будет содержаться в материалах переписи населения. Рискну предположить, с большой вероятностью вызвать резкую критику, что этнонимическое самосознание может оказаться единственным объективным и надежным критерием идентификации этнических общностей в связи с потребностями переписи населения.

Высокая теория и обыденная методология

Для отечественной этнологической науки принятие на теоретическом уровне в качестве базового критерия этнической самоидентификации, выражаемой этнонимом, весьма тривиально и символизирует преемственность со ставшей традиционной "теорией этноса". Это довольно любопытное обстоятельство, потому что названная теория некогда вызывала интуитивное отторжение со

стороны многих советских этнографов, полагавших изыскания ее творцов чистой схоластикой. Однако она постепенно настолько укоренилась в сознании тех же исследователей, что они, зачастую не отдавая себе в этом отчета, строят собственные построения на выборочном или просто догматическом ее восприятии и толковании. При этом, правда, делается упор на материализованные параметры этноса в виде "аудио-визуально" фиксируемой культуры.

Ю.В. Бромлей в свое время дал неосторожную установку на то, что этнография изучает именно и только этнические аспекты общественного бытия⁵. В результате получилось, что этнографы, всю жизнь изучавшие культуру, стали считать абсолютно все изучаемое ими этнически специфическим. И даже когда приходится признать, что те или иные черты культуры существуют у разных народов, утверждается (как само собой разумеющееся), что это этнические (т.е. этнически специфические, присущие только данному этносу) черты.

Вместе с тем ключевое, может быть, понятие "теории этноса" - "этническое самосознание" - нередко остается на периферии, так сказать, обыденной методологии российских этнологов, работающих в русле традиционных концептуальных установок. Доминирует онтологический подход к пониманию этноса, заключающийся в весьма сомнительном, а по моему разумению, просто ошибочном представлении о том, что специфика этноса, а значит, и его идентификация основываются на некоей объективно существующей этнической культуре, присущей только этому

Слабость "традиционалистского" подхода к фиксации этнических общностей заключается и в его антиисторичности, хотя, видимо, такая мысль окажется большим сюрпризом для многих коллег, убежденных в том, что именно они, воспитанные в духе классической советской этнографии, являются носителями принципов исторического исследования этноса. В дискуссиях обнаруживается, что приверженность историзму сводится главным образом к императиву изучать прежде всего прошлое этносов. Очевидно, однако, что главный признак историзма должен состоять в исследовании предмета в его развитии и признании всех этапов развития (включая и современный) одинаково значимыми.

Отмеченный антиисторизм выражается, в частности, в довольно схоластическом толковании истории развития этносов. Её принято разделять на этногенез, этническую историю и все остальное, т.е. подразумевается существование этноса в, так сказать, сформировавшемся состоянии. Иными словами, этнос складывается, "просто развивается", а затем "просто существует". Не говоря уже о том, что такие представления вступают в явное противоречие с диалектической методологией, практически невозможно найти скольконибудь строгие критерии, определяющие границы между этими фазами. Диалектики и научной строгости здесь не больше, чем в известной теории развития этноса Л.Н. Гумилева. Не хватает только завершающей, по Гумилеву, фазы – умирания этноса. И это все при том, что изыскания Гумилева обычно вызывают в отечественной этнологической среде легкую иронию. Показательно, кстати, что когда дело доходит до "этнической истории", то пишут, о чем угодно, - об истории политической, развитии экономики и социальных отношений, культуры - кроме нее самой, потому что никто точно не знает, чем различаются этногенез и этническая история.

Практическое следствие для этнологической теории из таких психолого-методологических установок - это то, что в наше время никаких новых "этногенезов" быть не может, хотя теория такой возможности и не отрицает. Этой несуразной, возможно, эпатажной фразой я постарался отразить существо противоречий, возникающих при переходе от, казалось бы, безупречных теоретических выкладок к исследованию конкретных этнических процессов в современном мире. Почему, собственно, в современном мире не может происходить того, что в отечественной теории называется "этногенетическими", "этнотрансформационными" процессами? Разве история остановилась в своем движении?

То, что я называю (для простоты) "этническим грюндерством", этнологами обычно не воспринимается всерьез. Спрашивается, почему? Разве мы достоверно знаем, как "конструировались" в далеком прошлом этносы? Или это не были этносы в современном понимании, если у них не было завершающего признака в виде этнического самосознания? Или то самосознание было качественно каким-то иным, нежели в наших теориях? А если подоплекой этнического самосознания и его "легитимизация" учеными должна быть специфическая этническая культура, то как можно выбраться из теоретических дебрей, связанных с этим понятием, особенно в условиях современных глобальных, цивилизационных, региональных и локальных тенденций этнокультурной интеграции и прочих "этнообъединительных процессов", о которых должен знать любой студент и аспирант, сдающий экзамен по этнографии? Почему, в принципе, надо смеяться над попытками учредить булгарский или какойто другой *неоэмнос*? Может быть, лучше подождать и посмотреть, обнаружится ли он в последующих двух-трех переписях населения? Для науки и государства это будет гораздо более весомый критерий, нежели устоявшиеся стереотипы или мнения федеральных или региональных чиновников.

Язык и национальность

Существенные проблемы также при анализе блока вопросов, связанных с языком и его соотношением с национальной (этнической) принадлежностью. Абсолютно корректно выглядит то, что вопрос о родном языке предшествует вопросу о национальной принадлежности*. Если было бы наоборот, то ответ на вопрос о национальной принадлежности как бы автоматически предполагал и ответ на вопрос о родном языке. Однако вопрос "Ваш родной язык" в паре с вопросом "Другие языки, которыми Вы свободно владеете" оказывается небесспорным с точки зрения задачи выявления языковой ситуации в стране, хотя он традиционно присутствовал в советских переписях населения.

По существу вопрос отражает языковую самоидентификацию, причем она может означать, а может и не означать реальное значение того или иного языка для респондента. В условиях интенсивной межэтнической и языковой интеграции и аккультурации основным языком для человека может и не быть язык той национальности, к которой он себя причисляет. Если они совпадают, то "родной язык" будет лишь тавтологией этнической самоидентификации, а для специалистов, изучающих этноязыковые процессы, пустой банальностью, поскольку и так ясно, что этническим языком, например, удмуртов является удмуртский язык. Если же совпадения нет, то получится искаженная картина: в таком случае "родной язык" может выражать лишь историческую память респондента, его

* Здесь и ниже приводятся ссылки на проект программы Всероссийской переписи населения 2002 г. о национальности и владении языками.

стремление ответить так, как "положено", или, в лучшем случае, то, что в некоторых зарубежных странах именуют "материнским языком" (mother tongue), т.е. языком, на котором говорили в семье в пору детства респондента. Можно только догадываться о масштабах искажений в статистике, которые получатся в результате.

Вопрос "Другие языки, которыми Вы свободно владеете" не спасает положения. Вопервых, он в принципе не может быть соотнесен с первым, поскольку там речь идет о (языковой) идентичности, а тут - о знании языка. Между прочим, составители инструкций для переписчиков прямо допускают такое смешение вопреки всякой логике: "Если опрашиваемый затрудняется назвать какойлибо язык родным (здесь и далее курсив мой. - С.Ч.) языком, следует записать название языка, которым он лучше всего владеет или которым он обычно пользуется дома". И далее: "Родной язык детей, еще не умеющих говорить, и других малолетних детей определяется родителями. Если родители затрудняются определить родной язык ребенка, следует записать язык, на котором обычно разговаривают дома". Возвращаясь к зарубежному опыту, в этих пассажах наблюдается явное смещение категорий "материнского языка" и "домашнего языка" (home tongue).

Во-вторых, отсутствуют сколько-нибудь четкие критерии свободного владения языком (вспомним знаменитое "читаю со словарем"), в результате чего данный показатель как никакой другой в переписях подвержен субъективизму респондентов, переписчиков и властей, если последние заинтересованы в том, чтобы подправить картину. Такой субъектививизм, кстати, уже заложен в инструкции для переписчиков, один из пунктов которых гласит: "В случае, когда опрашиваемый, проживающий на территории республики, автономной области, автономного округа, кроме русского языка и языка, указанного в качестве родного, свободно владеет несколькими другими языками, записывается язык (т.е. язык, которым "свободно владеют". -С.Ч.) коренной национальности (один из языков коренной национальности) соответствующей республики, автономной области, автономного округа..." В результате не получаем мы и реального представления о явлениях (полилингвизма).

В-третьих, и это самое главное, мы все равно не будем иметь адекватных данных об основном языке, на котором говорит респон-

дент, и о соотношении основного языка с этнической принадлежностью.

Практические выводы

1. Представляется целесообразным отказаться от кодифицированного перечня народов, который служил бы ориентиром при сборе и первичной обработке переписных данных. Следует принять принцип открытого листа, когда фиксируются абсолютно все виды этнической самоидентификации.

Разумеется, это потребует изменений в технологии опроса населения и обработки переписных листов. Останется проблема группирования субэтнических общностей, их соотнесения с основными этносами.

2. Указанная выше проблема может быть решена посредством введения категории двойной-тройной идентичности (национальной принадлежности) вместо иерархического структурирования перечня народов.

Категория множественной этнической идентичности позволит также отразить многообразные интеграционные и переходные процессы, выходящие за рамки родственных народов или субэтносов и особенно характерные для урбанизированной среды (а большинство населения РФ – городское), прежде всего для мегаполисов.

3. Необходимо фиксировать категорию "россияне". Это понятие несколько затаскано политиками и пародистами; можно также возразить, что включение политонима в число этнонимов методологически некорректно. Но в действительности это не совсем так. В данном случае такая категория будет означать не гражданскую принадлежность (хотя по определению она означает именно ее), а альтернативу для тех граждан, которые не в состоянии или не желают предпочесть какую-либо конкретную этническую идентичность.

Это вовсе не будет означать искусственного конструирования некоего "российского суперэтноса". Речь идет о необходимости дать людям максимально больший выбор в определении своей коллективной принадлежности и отразить все существующие в обществе тенденции. Подобная практика, кстати, существует во многих странах мира и хороша тем, что позволяет избежать "заталкивания" сомневающихся в какие-либо этнические группы.

4. Вместо категории "родной язык" сле-

дует ввести категорию "основной язык общения" (или что-то в этом роде). Желательно ввести также, например, категории, условно говоря, "язык по рождению" и "язык домашнего общения" (если это, конечно, посильно бюджету, хотя нет сомнений, что введение данной категории более полезно и рационально, чем выбрасывание денег на довольно бессмысленный вопрос о родном языке).

5. Выдерживая принцип множественности, как и при фиксации этнической принадлежности, необходимо допустить возможность фиксации нескольких "основных языков" и нескольких языков "свободного владе-<u>ния "</u>.

Возможные контраргументы и заключительные замечания

Я затронул несколько важных проблем и обрисовал их лишь в общих чертах, без детализации по части механизмов и технологии их решения. Вполне возможно, что предложенная (и любая другая) реформа проведения переписи населения в этот раз не будет реализована. Слишком велика сила инерции устоявшихся стереотипов, да и времени, видимо, осталось слишком мало. Наверняка даже среди коллег-этнологов найдется сегодня гораздо больше оппонентов, чем сторонников изложенных идей. Идей, кстати, не новых. Они в той или иной форме уже давно витают в воздухе, периодически проявляются в публикациях и дискуссиях. Однако, несмотря на то что специалисты давно говорят о несовершенстве отечественных переписей, до постановки проблемы в практическом плане пока дело не дошло.

Из тех возражений, которые уже раздавались или без труда угадываются, можно выделить следующие.

- 1. Подобная реформа нереалистична, потому что сложна и требует слишком много денег. Откровенно говоря, мне трудно об этом судить, поскольку надо досконально знать всю технологию проведения переписей, оценить закладываемые расходы и их рациональность. Но дело в другом. Едва ли такие аргументы перевешивают потребность государства в познании собственного общества, если какая-то реформа статистического учета населения позволит это сделать лучше, чем прежде.
- 2. Подобная реформа разорвет преемственность с предыдущими переписями и поэтому не позволит сопоставить данные.

Это весомый, но небесспорный аргумент. Сопоставимость ради выявления динамики процессов - вещь крайне важная. Однако неплохо бы задуматься над тем, что мы сопоставляем. Если это данные, которые, по общему признанию, плохо отражают реальную картину, то преемственность означает скорее воспроизводство иллюзий. Разумеется, было бы крайне интересно провести перепись по старой и новой методе и посмотреть, что они дадут, но это, видимо, уж вовсе нереалистичная идея.

3. Самым страшным может быть обвинение в стремлении растащить этносы на мелкие этнонимические группы ("разделяй и властвуй!"), лишить их "родных языков" и в конечном счете сконструировать один этнос на базе русского языка. Подобные обвинения постоянно слышат те ученые, которые пытаются бороться с идеологическими стереотипами, взращенными советским "нациестроительством".

Перепись населения — это еще не политика как таковая. Это одна из предпосылок, одно из условий выработки политики. Если мы хотим, чтобы политика была эффективной, то должны прежде всего обеспечить государственные структуры адекватными данными, а не следовать привычкам, вкусам, групповым политическим интересам. Никакая перепись не может отменить или учредить народы. Современные народы существовали и развивались столетия, и в этом им нисколько не мешало отсутствие переписей и паспортов с отметкой о национальной принадлежности.

Другое дело, когда государство занимается раздачей этнических статусов и составлением списков официально признанных наро-

дов. Это неизбежно ведет как к конфликтам, так и к искажению естественных этнических процессов. Пока федеральный закон "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" оставался на бумаге, он являл собой пример довольно легкомысленной законотворческой деятельности. Но как только вышло постановление Правительства РФ "О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации" от 24 марта 2000 г., этот закон приобрел крайне вредное значение. Следует ожидать новой волны "этнического грюндерства", появления десятков претендентов на статус самостоятельных этносов. Можно предполагать и искусственное занижение численности таких претендентов, если они будут балансировать на уровне установленных законом 50 тыс.

В заключение хочу подчеркнуть: я утверждаю только то, что названные проблемы существуют, и не претендую на правоту. Нам полезно задуматься, что и как мы собираемся изучать в XXI в., как мы будем соотносить собственные теоретические установки с реалиями современной эпохи, какие результаты своей исследовательской деятельности можем предложить обществу. Бесконечно рассуждая о перспективах этнологии в меняющемся мире, о ее предмете, методологии и исследовательских методах, мы не очень-то много делаем для того, чтобы действительно адаптировать нашу науку к требованиям времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1.Подробнее см.: Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35-49.
- 2.Крюков М.В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // Советская этнография. 1989. № 2. С. 24-35.
- 3.Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 16.
- 4.Крюков М.В. Указ. раб. С. 32.
- 5.См., напр.: Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 83-84.

В.И. Козлов

ЭТНОЛОГИЯ И ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ

Население как совокупность людей, живущих на какой-то территории, составляет естественную базу всех видов территориальных общностей, в том числе и этноса, а в пределах государства - базу государственной общности или общества. Население характеризуется различными признаками, в том числе с количественной стороны, определяемой путем статистического учета. Наиболее точный и всеохватывающий вид его, получивший название переписи, известен с конца XVIII в. В настоящее время переписями населения охвачены по существу все страны мира, причем в большинстве экономически развитых стран они проводятся регулярно обычно через каждые 10 лет, реже - через 5 лет. В Советском Союзе переписи проводились нерегулярно: в 1920 г. (не на всей территории), в 1926 г., 1937 г. (перепись была забракована), 1939 г. (в старых границах, без западных территорий), в 1959 г., 1970 г., 1979 г., 1989 г. После развала Советского Союза в конце 1991 г. ни одно из самостоятельных государств, образовавшихся на его территории, не отметило начало своего бытия переписью населения. В Российской Федерации (России) новая перепись населения была назначена на 1999 г., что создавало преемственность с переписями 1979 г. и 1989 г., но по неизвестной причине была перенесена на 2002 г. Время новой переписи приближается, и производстве ее требует пристального внимания со стороны ученых.

Проект программы новой переписи населения был подготовлен для обсуждения еще в 1995 г. и с тех пор, насколько мне известно, не претерпел существенных изменений. Она, как программа предыдущих переписей населения СССР, предусматривает учет пола, возраста, места жительства, гражданства, языка, национальной (этнической) принадлежности, брачного состояния, типа учебного заведения (для учащихся) и источника средств существования. Кроме этих сведений, фиксируемых при сплошной переписи, предусматривается заполнение двух листов выборочных переписей. На лист 25%-ной

выборки заносятся данные об основной занятии, месте работы, положении (статус) в занятии, необходимость работы (для безработных 16 лет и старшей), изменение места жительства с 1989 г., число детей (у женщины). На листе 5%-ной выборки, нацеленной на изучение рождаемости, фиксируется, в каком по счету браке состоит опрашиваемый (опрашиваемая), время вступления в первый брак, время прекращения первого брака, время вступления во второй брак, сведения о рожденных женщиной детях (время рождения и смерти), а для замужних женщин 15-44 лет, сколько детей собирается иметь (включая уже имеющихся).

Основной интерес для этнологов представляют, разумеется, сведения о языке и национальной (этнической) принадлежности, но при фиксации того и другого можно ожидать погрешностей. Во всех советских переписях населения фигурировал вопрос о "родном языке", но в инструкциях по проведению он понимался по-разному; это обусловлено тем простым обстоятельством, что дети длительное время после рождения не умеют говорить. При проведении переписи 1920 г. под "родным языком" понимался тот язык, на котором говорит семья опрашиваемого, а в национально неоднородных семьях - мать. Это было довольно близко к принятым в западноевропейской статистике мкиткноп "язык колыбели", "язык раннего детства" и "материнский язык". Однако инструкция переписи 1926 г. отошла от таких понятий, признав "родным языком" тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит, т.е. так называемый "основной разговорный язык", учитываемый, например, в переписях населения Бельгии и Финляндии. Инструкция переписи 1939 г. рекомендовала в ответе на вопрос о "родном языке" записывать название языка, который сам опрашиваемый считает своим "родным", вне зависимости от его употребления в детстве (известно, что И. Сталин показал свои родным языком - русский). В таком неопределенном толковании, позволявшим как отождествить "родной язык" с национальной (этнической) принадлежностью, так и отойти от нее, этот вопрос был использован во всех последующих переписях населения и предложен для новой переписи.

В научной литературе уже давно выдвигались предложения о необходимости объективизации ответа на вопрос о "родном языке". Более того, говорилось о малой эффективности такого вопроса и целесообразности замены его прямым вопросом об основном разговорном языке, имеющим большое практическое значение в деле развития образования и средств массой информации¹. К сожалению, руководство статистических служб (а именно от него, а не от ученых, идут "первичные предписания") упорно держится за традицию, не вникая в суть дела.

Кроме вопроса о "родном языке", с переписи населения 1970 г. стало принято учитывать "другой язык, которым свободно владеете", но и в этом, казалось бы полезном добавлении, не было достаточной ясности. Вопервых, вопрос был поставлен так, будто бы опрашиваемый свободно владел "родным языком", чего в действительности могло не быть, особенно у старых людей. Во-вторых, в инструкции к переписям 1970 и 1979 гг. не были оговорены критерии "свободного" владения языком, что привело в ряде случаев к парадоксальным результатам: оказалось. например, что процент "свободно владеющих" русским языком среди узбеков примерно равен таковому у украинцев (на 1979 г. соответственно 49% и 51%). В инструкцию переписи населения 1989 г. было введено указание определять "свободной" владение по умению "читать, писать и свободно разговаривать или только разговаривать", что повторено и в инструкции к новой переписи, но понятно, что это указание - недостаточно четкое: свободное владение языком предусматривает прежде всего и главным образом умение читать и писать на нем; умение же "свободно разговаривать" можно понять как умение общаться на рынке. Критерии свободного владения языком настолько важны, что их следовало бы указать прямо на переписном листе, а не "прятать" в инструкциях, которые нередко остаются неизвестными для субъектом переписи.

Определение национально (этнической) принадлежности в советских переписях населения также претерпело изменения. В переписном листе 1920 г. содержался вопрос "К какой национальности себя относит", а в

инструкциях говорилось, что "под национальностью понимается группа людей, объединенная общностью национального самосознания, так что национальность не смешивается с гражданством (подданством)". В переписном листе 1926 г. вопрос о национальности был заменен вопросом о "народности", как более понятном для населения и, во всяком случае, не столь ассоциируемым с термином "нация", под который подходила лишь часть этносов СССР. В наставлении к ответу на этот вопрос говорилось: "Здесь отмечается, к какой народности причисляет себя опрашиваемый. В случае, если отвечающий затрудняется ответить на вопрос, предпочтение отдается народности матери. Так как перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения, то в ответах на вопрос... не следует заменять народность религией, подданством, гражданством или признаком проживания на территории какой-либо республики. Ответ на вопрос о народности может и не совпадать с ответом на вопрос о родном языке... Определение народности предоставлено самому опрашиваемому и при записи не следует переделывать показаний опрашиваемого. Лица, потерявшие связь с народностью своих предков, могут показать народность, к которой в настоящее время себя причисляют".

Перепись населения 1926 г. по богатству содержания и хорошей организации до сих пор вызывает уважение у специалистов, и совершенно непонятно почему организаторы переписи 1939 г. существенно поменяли ее установки, в частности сменили вопрос о "народности" на вопрос о "национальности", отметив в инструкции, что в переписных бланках должна записываться национальность, к которой себя причисляет сам опрашиваемый. Эти положения были сохранены во всех следующих переписях - 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. В инструкции к переписи 1989 г. было указано, что национальность детей определяется их родителями и что иностранные граждане после записи национальности дают название своего государства, например, "серб, Югославия". Исследователями материалов переписей отмечено, что замена вопроса о "национальности" на вопрос о "народности", а тот - на вопрос о "национальности" приводит к несопоставимости результатов переписей. Этому препятствует также изменение границ, к которым привязаны результаты переписи, число выделенных переписью национальных (этнических) общ-

ностей: в переписи 1926 г. - 190 общностей, в 1939 г. - 62, в 1959 г. - 109, в 1970 г. - 104, в 1979 г. - 100, в 1989 г. - 130, в том числе на территории Российской Федерации - 92 общности.

При проведении новой переписи населения предполагается фиксировать национальную (этническую) принадлежность путем нового вопроса: "К какой национальности, народности или этнической группе себя относите?" Ответ на этот вопрос дается по самоопределению опрашиваемого. Национальность, народность или этническая группа детей определяется родителями. Лицам, которые не относят себя к какой-либо национальности, народности или этнической группе, записывается "нет"2.

Качество переписи населения определяется многими показателями, в том числе и легкостью сравнения ее результатов с предыдущей переписью, ибо важнейшие закономерности движения населения (включая и этнические процессы) могут быть выявлены только в динамике. Приведенный выше краткий обзор советских переписей населения приводит к выводу, что руководство статистических учреждений страны по возможности затрудняло сравнение материалов переписей. Новая формулировка вопроса о национальной (этнической) принадлежности, вне зависимости от ее целесообразности, означает, что ответы на него не подлежат прямому сопоставлению с результатами предыдущих переписей. Такой непорядок можно было бы отчасти оправдать ссылкой на то, что предстоящая перепись населения будет первой в истории суверенной Российской Федерации и положит начало более совершенному статистическому учету населения, не как раз "совершенство" предложенной формулировки вызывает сомнение. За 70 лет, прошедших после внедрения термина "национальность" (в его этническом смысле) в паспортную систему, служебные анкеты и т.п., граждане страны уже достаточно привыкли к нему, а потому воспримут термин "народность" как странное нововведение, на которое трудно правильно реагировать. Что же касается термина "этническая группа", то о его содержании идут споры даже среди этнологов; внедрение его в статистически массовый обиход может вызвать массовую растерянность. Не исключено, что при второй переписи населения суверенной Российской Федерации формулировка этого вопроса будет вновь изменена, что вновь затруднит сопоставимость ее результатов с предыдущими переписями.

Число этнических общностей, выделяемых в новой переписи населения, предполагается увеличить по сравнению с переписью 1989 г. на два с половиной десятка единиц, главным образом за счет малочисленных этносов Севера и Дагестана. Если это соответствует самоидентификации, то возражать против этого не приходится, хотя оно приведет к новым затруднениям в сравнительном анализе динамики численности этносов. Нетрудно заметить, однако, что существенное увеличение числа этнических наименований в материалах переписей после 1979 г. приводит к выводу о развитии процессов этнической дивергенции вопреки распространенному ранее мнению о преобладании процессов этнической консолидации и ассимиляции. Это нарушает и концепцию о сложении в Российской Федерации единой "российской нации".

Одним из недостатков новой переписи населения, на мой взгляд, является отсутствие в ее программе учета религиозного состава жителей России. После гонений на религию в 1920-30-е гг. и осуждения переписи 1937 г., в программе которой был вопрос о религии (за преуменьшение ею, якобы, численности населения страны), целесообразность учета религиозной принадлежности была своего рода запретной темой не только у статистиков, но даже у этнологов и языковедов. Однако произошедшая либерализация общественной жизни, легализация и укрепление религиозных организаций, проникших даже в армейские службы, а также распространение новых религиозных верований сделали этот учет значимым не только в научном, но и в практическо-политическом отношении. Полагаю, что учет религиозной принадлежности верующего населения дал бы более ценные сведения, чем включенный в переписной лист вопрос о типе учебного заведения для учащихся. достаточно полный ответ на который может быть получен в органах образования.

Прошедшее после переписи 1989 г. время характеризовалось большей миграционной подвижностью населения. Массовые миграции из северных областей в южные и из восточных - в западные, вызванные прежде всего плохими снабженцами, и идущие супротив предсказания М.В. Ломоносова, что "Россия будет произрастать Сибирью"; массовые миграции русских из бывших союзных республик, где они стали подвергаться национальному гнету, а в ряде случаев и физическому насилию; массовые миграции нерусских из районов межнациональных конфликтов и в поисках работы и т.п. - все это недостаточно отражено в официальной миграционной статистике и уже потому слабо изучено. Даже представления об общей численности мигрантов расходятся в очень широких пределах. В.А. Тишков, например, в статье о трансформациях в России пишет, что в стране находится 3-5 миллионов "не учитываемых статистикой бывших советских граждан из других государств Азербайджана, Армении, Грузии, Таджикистана, Украины, Молдовы"3. Полагаю, что он преувеличил число иммигрантов раза в два, но сомнения может развеять лишь новая перепись населения, а она для этого не вполне пригодна, поскольку на листе сплошной переписи имеется лишь вопрос о месте рождения опрашиваемого. В 25%-ной выборочной переписи, правда, стоит вопрос о времени непрерывного проживания в данном населенном пункте и месте предыдущего жительства, но выборочный метод для получения сведения о миграциях мало подходит. Кроме того, существует опасение, что какая-то часть неученых статистикой мигрантов будет стараться уклониться и от переписи.

Кроме национальности, языка и миграций, немалый интерес для этнологов представляют показатели, относящиеся к характеристике семьи и уровня образования в сочетании, разумеется, с этнической принадлежностью опрашиваемых; особенно важны в этом отношении сведения о распространении национально-смешанных семей, которые свидетельствуют о развитии этнических процессов. Бурное развитие в 1990-е гг. процессов

депопуляции, особенно в русских областях, привлекает внимание к анализу факторов рождаемости. Боюсь, однако, что нацеленная на эту проблематику выборочная 5%-ная перепись женщин в возрасте 15-44 лет о времени состояния в первом и втором браке и времени рождения детей даст недостаточно сведений для такого демографического анализа. Для этого лучше бы подошли более пространные анкеты, заполненные в родильных домах.

Завершая эту, по необходимости краткую статью, остановлюсь еще на одной важной проблеме учета национальной (этнической) принадлежности в переписях населения, поднятой В.А. Тишковым еще в 1995 г., но не нашедшей своего решения. Речь шла о том, что немало жителей России, как и других многонациональных стран, находится в этнически промежуточном состоянии то ли вследствие различного происхождения их родителей, то ли в силу их приобщения к более широкой общности - "россиян"; для адекватного отражения их самосознания В.А. Тишков предложил руководителям переписи легализовать такие сочетания как "украинецрусский", "русский казак", "эрзя-мордвин", "еврей-русский", "Грек-армянин-русский" и т.п. 4 Можно добавить к этому и термины типа "украинец-россиянин", "еврей-россиянин", "русский-россиянин" и т.п., а также по двойному гражданству - "еврей-россиянинизраильтянин". В этом предложении есть, на мой взгляд, рациональная основа и к обсуждению его следует вернуться.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1.См.: Брук С.И., Козлов В.И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 года // "Советская этнография". 1967. № 6.
- 2.Инструкция о порядке проведения Всероссийской переписи населения 1999 года и заполнения переписной документации. Проект. М., 1995.
- 3. Тишков В.А. Антропология Российских трансформаций // "Этнографическое обозрение". 2000. № 1.
- 4. Тишков В.А. Близится перепись населения. Захочет ли Госкомстат России провести ее поновому? // "Независимая газета". 05.11.95.

С.В.Соколовский

ПЕРЕПИСЬ 2002 г.: ИГРЫ ПО ВИТГЕНШТЕЙНУ

Анданте

Людвиг Витгенштейн, разрабатывая свою теорию языковых игр, не счел необходимым уделить внимание особому классу этих игр играм бюрократическим. В конце концов, его целями были профилактика и терапия философских заблуждений, а отнюдь не антропология экзотической формы жизни, основной принцип которой - симуляция интенсивной деятельности (при условии щедрого финансирования), дополняемая искусством возлагать ответственность на "дядю". Изучать эти формы жизни - удел антропологов, философы лишь щедро помогают им, превращая подсмотренное антропологами в стимулы для собственного "умозрения". Предлагаю стенограмму нескольких последних ходов в одном из эпизодов игры под названием "Перепись 2002 г."

На одном из мартовских заседаний Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН рассматривался вопрос о проекте Перечня и кодов национальностей, народностей, этнических групп и языков, разработанный Госкомстатом и направленный в Институт Генеральным директором Российского статистического агентства с просьбой "рассмотреть... и направить замечания и предложения". Этому эпизоду предшествовала серия событий, протекавших в недрах Росстата и его Управления статистики населения, которые и привели к появлению на свет этого любопытного документа.

Аллегро

22 сентября 1999 г. правительство Российской Федерации издало постановление № 1064 "О Всероссийской переписи населения 2002 года", в соответствии с которым постановлялось:

"1) Провести с 9 по 16 октября 2002 г.

Всероссийскую перепись населения по состоянию на 0 часов 9 октября 2002 г. путем опроса населения.

2) Возложить на Российское статистическое агентство организационное и методологическое руководство работами по подготовке, проведению, обработке и публикации (распространению) результатов Всероссийской переписи населения 2002 года...". Согласно графику финансирования, было запланировано выделить из средств федерального бюджета на цели подготовки и обработки материалов проведения Всероссийской переписи населения 2002 г., а также публикации её итогов 172 млн. руб., в том числе на проведение пробной переписи населения 2000 г. − 1498,5 тыс. руб.

В соответствии с этим постановлением приказом Росстата от 11 ноября 1999 г. № 156 ответственность за выполнение работ по Всероссийской переписи населения 2002 части "разработки программнометодологических и организационных положений, программ переписи населения, получения её итогов и распространения (публикации) результатов, формирования проектов переписного инструментария, а также координации всех переписных работ и контроля за их исполнением" была возложена на начальника Управления статистики населения (УСН) И.А. Збарскую. При этом в соответствии с Планом мероприятий на 1999-2000 гг. по подготовке и проведению переписи населения 2002 г., уже в марте 2000 г. должна была осуществиться "разработка перечня национальностей, народностей и этнических групп для получения итогов пробной переписи населения", а в "І кв. 2000 г." – "подготовка словарей национальностей и языков, занятий, отраслей экономики и видов производств, образовательных учреждений". Столь жесткие сроки были обусловлены тем же сентябрьским постановлением правительства, тогдашний председатель которого В. Путин "в целях отработки организационных и методологических вопросов" распорядился "провести с 11 по 18 октября 2000 г. пробную перепись населения в районе Преображенское Восточного административного округа г. Москвы, части Красногорского района Московской области и части Фрунзенского района г. Владивостока (Приморский край) с общим охватом ориентировочно 100 тыс. человек".

Остается неведомым, кто и как именно "отрабатывал методологические вопросы", в результате которых УСН представило пресловутый проект Перечня национальностей. Известно лишь, что в соответствии с тем же графиком подготовки переписи он уже существовал в декабре 1999 г., поскольку именно к этому сроку уже была завершена "разработка основных методологических и организационных положений пробной переписи населения 2000 г. и обработки ее материалов" (ст.1 Плана мероприятий на 1999-2000 гг.). Судя по этому же плану (ст.17), уже в ноябре 1999 г. существовал "проект программы переписи населения", а в феврале, т.е. ко времени поступления письма Генерального директора Росстата в институт, уже вовсю шла "разработка проекта технологического процесса обработки материалов переписи населения и получения итогов, определение конфигурации средств вычислительной техники и программных продуктов"(ст.35).

Скерцо

В чем же заключается ирония этой игры? В представленном ученым для рассмотрения проекте Перечня обнаружилось почти четыре десятка ошибок, подчас довольно грубых. В числе наиболее типичных - ошибки с отнесением народов к двум основным группам Перечня - "проживающие преимущественно в РФ" и "проживающие преимущественно в других странах" (часть народов оказалась по недоразумению записана в "иностранцы"; у другой части народов их относительная численность в границах отечества была явно переоценена, и, как следствие, они попали в первую группу). Есть и курьезы, когда разные наименования одного и того же народа фигурируют в качестве самостоятельных народов и имеют разные кодировки. Множество ошибок содержится в графе "Название родного языка". В ряде случаев непосильной для разработчиков оказалась даже орфография этнонимов и лингвонимов.

Большой беды в этом нет, если игра про-

исходит по правилам. В конце концов, перечень велик – почти 180 категорий, многих из которых в последних четырех переписях не было; на то и существуют специалисты, к которым и обратились с просьбой "направить замечания и предложения". Здесь важно обратить внимание на время просьбы, поскольку именно в нем таится ирония происходящего. Поезд ушел, а ремонтной бригаде предложено даже не произвести починку, а подписать акт об исправности двигателя.

Оптимистически допустим, что раскрутившийся маховик огромного и сложного механизма Всероссийской переписи удастся приостановить на профилактический ремонт, что-то там смазать и подправить и пусть крутится дальше. На это, видимо, и был расчет УСН, не посчитавшего необходимым привлечь ученых к разработке Перечня и словарей национальностей и языков на более ранних этапах. Но все дело в том, что в сложившейся ситуации вряд ли возможно устранение допущенных методологических ошибок, поскольку с избранной методологией тесно связаны уже заложенные методики и технологии обработки, разработана и утверждена форма переписных листов для пробной переписи октября 2000 г., которая будет служить основой переписи 2002 г., и т.д.

Рондо

Что в данном случае требуется от академической науки? Всего лишь символическая легитимация произведенного чиновниками "продукта". Продукт оказался, говоря словами театрального буфетчика, "второй свежести". Я совершенно согласен с С.В. Чешко, усмотревшим главную проблему в методологии используемого в переписи подхода к определению этнического состава населения. Ученые неоднократно, еще до проведения переписи 1989 г., высказывались в пользу открытого списка народов. Эта идея в 1987-1988 гг. обстоятельно обсуждалась группой экспертов Совета по малым народам при советском Фонде культуры. Материалы дискуссий доводились до сведения чиновников Госкомстата, однако опубликованы они были лишь пять лет спустя 1.

Следует заметить, что этим дискуссиям сопутствовал широкий экспертный опрос, охвативший специалистов (главным образом этнологов и лингвистов) из многих бывших советских республик. Во введении к сборни-

ку, написанном тогда же, в 1988 г., когда опрос еще не был завершен, в качестве вероятного его исхода прогнозировалось, что "анализ практики этнических классификаций, как научных (этнографических, лингвистических, социологических и т.д.), так и практических (демографических, политических и др.) обнаружит их теоретическую несостоятельность и несоответствие нормам демократического общества, что заставит деконструировать задачу разработки списка, сформулировать претензии к концептуальным моделям, использованным в имеющихся списках (инструментарий проведенных в стране переписей населения), построить адекватную концептуальную модель этнической реальности"². В уже цитированной С.В. Чешко статье М.В. Крюкова отмечалось, что "последовательное осуществление принципа самоопределения этнической принадлежности при заполнении опросных бланков полностью сводится на нет процедурой разработки полученных данных, в основу которой кладется заранее составленный список народов"3.

Здесь уместно задаться вопросом: каковы же цели предстоящей переписи? Разве одна из ее целей – не получение наиболее близкой к реальности картины этнического и языкового населения страны, без которой невозможно осуществление адекватной языковой и национальной политики? Раз за разом при проведении переписей систематически игнорируются бытующие формы этнического и языкового самосознания людей. Понятно, что принцип открытого списка потребует радикального изменения всей методологии сбора данных и обработки результатов переписи, однако такого рода изменения необходимы и давно назрели. Наибольшую трудность представляет кодировка потенциального разнообразия ответов на вопрос о национальности.

Не следует забывать, что средства и методы обработки за минувшие с момента проведения последней переписи 10-12 лет пережили настоящую революцию в связи с распространением компьютеров новых поколений и их резко возросшей производительностью. Вот и в Госкомстате, судя по протоколу заседания его Переписной комиссии от 10 марта 2000 г. № 4 (помещенному на web-страницу этой организации), уже рассмотрен вопрос о возможностях использования СУБД ORACLE и ЭВМ S/390 при пробной переписи населения 2000 г. Это позволяет использовать многозначные цифровые коды для кодировки наименований языков и народов, что в свою очередь создает основу принципа открытого

(т.е. не запланированного заранее) списка кодов (например, с помощью кодирования наименований по алфавитным номерам первых нескольких букв, входящих в название языка или национальности и т.п.).

Однако, как упоминалось выше (рондо принуждает к повторению темы), поезд уже ушел: методология обработки негодного инструментария уже разработана, и, стало быть, в 2004 г. мы получим в виде материалов некий плохо артикулированный конгломерат сведений, выстроенных на компромиссах неосведомленностью чиновников. вожделениями этнократических элит, политическими устремлениями федерального Центра и научными установками середины прошлого века. И все задешево - какие-то 170 млн. руб. из кармана налогоплательщиков! И это - не все. В 2004 г. чиновники Госкомстата выбросят этот товар на рынок, и все в нем нуждающиеся и просто любопытствующие граждане смогут еще раз заплатить, уже не через налоги, а из оставшихся от налогообложения личных средств за счастье пользоваться "научными фактами".

Финал

Не могу удержаться от нескольких замечаний критического характера как в адрес устроителей переписи (в широком смысле слова, а не только чиновников Госкомстата), так и в адрес моего коллеги С.В. Чешко, со значительной частью замечаний которого, впрочем, я согласен.

Первое замечание адресуется юристам и касается обеспокоенности судьбой переписи, уже прозвучавшей в публичных заявлениях главы Росстата В.Л. Соколина. В соответствии с п.1 ст. 26 Конституции РФ, как известно, принятой в 1993 г., т.е. после проведения последней переписи 1989 г., "никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности". Эта же норма существует и в конституциях многих субъектов Федерации. Не получится ли так, что в ряде конфликтных регионов, где обнаруживать перед местными властями свою отнесенность к той или иной этнической категории оказывается невыгодным или опасным, граждане предпочтут не отвечать на "национальный вопрос"? Правда, для таких Перечнем предусмотрена графа с кодом 300 ("национальность не указана"), но не окажутся ли затраты на получение информации такого рода чрезмерными?

Остальные замечания адресуются С.В. Чешко, чья позиция в отдельных вопросах представляется мне недостаточно последовательной. В частности, я вижу противоречия в его позиции, когда, с одной стороны, он критикует "онтологический подход к пониманию этноса"4, а с другой – продолжает поиски некой "сущности" этнического: эссенциализм вполне гармонирует с практикой реификации понятий, однако вряд ли совместим с критикой этой практики. Равным образом невозможно, с одной стороны, поддерживать позицию, в соответствии с которой "критерием национальной принадлежности является только личное самоопределение граждан", а с другой – писать, что "что бы ни утверждали идеологи эрзянской самостоятельности, по общему признанию ученых, существует этнос мордва..."

Представленная им в разделе "Высокая теория и обыденная методология" весьма интересная критика антиисторизма отечественной теории этноса в некоторых своих пассажах также диссонирует как с его антионтологизаторскими симпатиями, так и с его собственными рассуждениями о политической природе этничности. Лапидарность жанра реплики в дискуссии не позволяет мне проиллюстрировать каждое из противоречий цитатами из статьи С.В. Чешко, поэтому я ограничусь констатацией собственной позиции по этому вопросу, в ряде существенных моментов близкой позиции моего коллеги.

С моей точки зрения, этничность всегда политизирована и не существует вне сферы политического (однако обратное - неверно). Политизация культурно-языковых различий (в отличие от политизации различий конфессиональных, сословных и локальных) произошла в истории человечества сравнительно недавно, в Новое время, причем не одновременно в разных странах и в рамках нашей собственной державы. Поэтому рассуждать о древности народов, "этногенезах" и тому подобных вещах, значит проецировать формы современного сознания в чуждые для них исторические пределы, чему вроде бы должен препятствовать профессионализм историков и антропологов с их чувствительностью к специфике иных исторических контекстов и культурных миров. "Этногенез", таким образом, по содержанию не может не совпадать с политизацией культурно-языковых различий, и именно в силу этого "этническая история" пишется как история политическая.

Что касается бытовых представлений о формах существования этнического (а обыденное сознание ничем не "отгорожено" от сознания профессионального), то здесь действует известный социологический принцип: любые, даже самые экзотические представления, сколько бы иррациональными и необоснованными они ни были, реальны в своих последствиях. Устойчивость "онтологических представлений" об этническом в нашей стране, как и в некоторых европейских странах, сохранивших идеологическую преемственность с упражнениями немецкого неоромантизма в духе Гердера на темы Blut und Boden, поддерживается глубокой институализацией этих представлений. В результате мы имеем дело с особой институциональной *средой*, в которой этносы-народы мыслятся как существующие с изначальных времен, обладающие исторической родиной ("почвой") и единством ("кровью"). Эти представления поддерживаются всей мощью государственных институтов (национальное устройство федерации, особые статусы и режимы гражданства для национальных меньшинств и коренных народов, разветвленное законодательство в сфере национальной политики, устоявшиеся формы политического и научного дискурсов, наконец, переписи как один из важных инструментов "овеществления" этнических представлений).

Коль скоро институциональная среда часть социологической реальности, описания современного существования наших обществ с позиций примордиалистских теорий этничности оказываются парадоксальным образом адекватными этой реальности. Однако их адекватность ограничивается двумя моментами – местом (границы институциональной среды, поддерживающей этот тип представлений, в данном случае СНГ, страны Балтии и, быть может, Финляндия и ЮАР) и временем - эпохой модерна. Лишь универсалистские притязания "онтологизаторов" этнического, а не примордиализм сам по себе перемещают последователей этого подхода из сферы корректного, хотя и ограниченного социологического описания в сферу идеологии, при этом метод превращается в символ веры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Этнокогнитология: Подходы к изучению этнической идентификации. М., 1994.
- 2.Там же. С. 5.
- 3. Крюков М.В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // Советская этнография. 1989. № 2. С.
- 4. Эту критику я поддерживаю, хотя полагаю, что

сам "онтологический подход" неотвратимо становится достоянием истории отечественной этнографии и сегодня представлен больше управленцами и чиновниками и теми учеными, которые находятся, скорее, в сфере воспроизводства знания, нежели его производства. Продолжать считать его "доминирующим", на мой взгляд, уже нет оснований.

В.А.Тишков

ТРАНСФОРМАЦИИ, СТАТИСТИКА И ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Статистическая инерция и инерция мысли

Отечественная статистика советского периода имеет сильные традиции и богатый опыт проведения всеобщих переписей населения. Этот опыт заключает в себе как идеологию государства того времени, так и тесно связанные с нею научные представления. Думать, что статистика "отражает реальность" и что она - беспристрастное зеркало общества, - достаточно наивно, поскольку в самих вопросах, которые ставятся при переписи, в их формулировке уже заложены не только потребности общества, но и предписания органов власти. Если к этому добавить огромную инструктивную часть для переписчиков, обработку и редактирование публикаций, то данные переписи становятся такой же частью общественно-политических и академических дебатов, как и другие так называемые объективные источники информации. В то же время социально-культурные антропологи и этнологи, наряду с другими обществоведами, активно используют переписную статистику и участвуют в ее производстве. Не будет исключением и перепись населения России 2002-го года, для которой при участии ученых Института этнологии и антропологии РАН готовится примерный "Словарь национальностей и языков России". Его составление имеет огромную научную и общественно-политическую значимость. Прежде всего потому, что только всеобщая перепись может дать наиболее точное представление об этнокультурной мозаике и языковой ситуации в стране. Эти данные будут использоваться не только учеными, но и органами власти различного уровня, особенно при разработке государственной политики в отношении российских национальностей, образовательной культурно-информационной И политики, а также, возможно, при решении

вопросов государственно-административного устройства страны.

Государственная статистика в России переживала трудные времена в советское время, но не менее сложными оказались и вызовы последнего десятилетия. Инерция статистического учета не соответствовала темпу глубоких общественных преобразований, которые включают в себя принципиально новые явления жизни. Без их учета, без применения более чувствительных методик, используя только традиционные подходы к получению статистических данных мало что можно получить для экспертизы радикально меняющегося общества. Приведу только несколько примеров.

Один из них касается кардинального вопроса об общей численности населения страны, или, как выразился один из авторов статьи на тему предстоящей переписи в "Независимой газете", "сосчитают сколько нас осталось", отражая этой фразой не столько "стиль жизни" (название рубрики газетной страницы), сколько стиль мысли и просто господствующее бытовое мнение, сформированное опять же не без участия ученых и статистиков. А дело здесь в том, что госстатистика не учитывает (а значит и не признает!) примерно 3-4 миллиона населения страны, которые не имеют российского гражданства, но которые живут временно или постоянно в России. Это прежде всего граждане Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдавии, Украины, прибывшие (или прибывающие) в Россию в последние годы и находящиеся здесь временно или уже постоянно. По всем принятым критериям они входят в так называемое наличное (или совокупное) население страны. Поскольку эти миллионы неучтенных, главным образом молодых мужчин, составляют одну из наиболее динамичных частей населения страны, то без их учета данные об естественном движении

населения (рождаемость и смертность), об его социальной и возрастной структуре являются несостоятельными.

Какие бы чувства ни испытывали ученые и статистики к тем, кого бытовой расизм квалифицирует как "черные", "азиаты", "кавказцы" и прочие "чужие", серьезные специалисты-демографы не могут согласиться, чтобы несколько миллионов жителей страны, исключались из анализа демографической ситуации в России, определяя ее прежде всего и главным образом процессом естественного движения населения (величиной и соотношением между рождаемостью и смертностью). Конечно, это не так. Очень часто в истории многих стран иммиграция и эмиграция играли не менее существенную роль, причем не просто в качестве "разового" (кратковременного) фактора. Именно так случилось в России в последнее десятилетие, и мой прогноз предполагает, что миграция (главным образом - иммиграция) будет еще долго оставаться важнейшим фактором формирования населения государства.

К сожалению, статорганы вместе со специалистами не прилагают должных усилий, чтобы более точно оценить число и влияние на демографическую ситуацию вновь прибывшего или временно находящегося на территории страны населения². Именно по причине пренебрежения этой проблемой официальные цифры общей численности населения России за последнее десятилетие являются скорее всего заниженными, а перемены по отдельным годам крайне приблизительными: 147,4 млн. человек в 1989 г. и 148,7 млн. человек в 1992 г. (период роста); 148,4 млн. человек в 1994 г. и 146,7 млн. человек в 1998 г. (период падения)³. За 1999 г. Госкомстат дал драматическую цифру падения общей численности населения - 1,2 млн. человек, если верить цифре 145,5 млн. человек на 1 января 2000 г.! Падение почти в три раза по сравнению с предыдущими несколькими годами (примерно по 300 - 400 тыс. человек в год). Для профессиональных демографов в данном случае действительно встает вопрос: что должно было случиться, если при той же самой динамике всех определяющих факторов, кроме снижения уровня иммиграции, статистика зафиксировала такое сильное сокращение общей численности населения, а интерпретаторы-прогнозисты сделали очередной апокалиптический вывод на будущее? Может быть, что-то произошло в самой статистической процедуре, влияние на которую могут оказывать самые разные факторы,

начиная от состояния судебного процесса над бывшими руководителями ведомства, кончая уточнением инструкций или изменением зарплат сотрудников статорганов? Эти моменты саморефлексии в конечном продукте фактически не присутствуют, а ее пользователям такие вопросы даже не приходят в

Опираясь на подобные данные, многие специалисты и политики пишут и говорят о депопуляции ("вымирании") населения и даже о демографической катастрофе. На самом деле это не так. И в этом мое главное разногласие с господствующим мнением. Как бы ни было сложно считать мигрирующих и официально незарегистрированных жителей страны, делать это необходимо. Иначе Госкомстат России и некоторые политизированные демографы фактически поставляют искаженную информацию о демографической ситуации в стране, квалифицируя некоторые кризисные явления, а также факт отрицательного роста населения страны как "демографическую катастрофу". На самом же деле нет снижения численности населения России на 3,2 млн. человек за 11 лет, даже если это данные Госкомстата, который при текущей статистике считает только тех граждан и неграждан, на кого местные паспортные столы передали данные в виде талонов регистрации. Кстати, добрая часть этих талонов может валяться по паспортным столам довольно значительное время или совсем не передаваться в вышестоящие органы (по данным демографа Ольги Чудиновских). Сколько миллионов жителей предпочитают не иметь дело с паспортными столами, специалистам и статорганам, к сожалению, неизвестно даже приблизительно.

Кстати, есть проблема не только недоучета иммигрантов, но и двойного учета мигрантов, когда, например, многие "вахтовые города", наоборот, заинтересованы регистрировать временно работающих, ибо от этого зависят госдотации и различные социальные нормы. В бывшем СССР статданные последних десятилетий завышали население страны минимум на 2-3 миллиона именно по этой причине, т.е. в 1989 г. реально в РСФСР населения было на 1,5-2 млн. человек меньше, чем дала перепись. Сейчас этот фактор имеет меньшее значение в связи с меньшей пространственной мобильностью населения, но сама проблема двойного учета осталась.

Еще более непрофессиональными выглядят прогнозы скорой и общей депопуляции России. Численность населения к 2025 году

называется в 120-125 миллионов человек, а численность этнических русских, якобы, сократится до 65-70 миллионов, а к середине нового века составит 35-40 миллионов⁴. Эти данные о том, "сколько нас останется в России", строятся на примитивных проекциях графиков рождаемости и смертности в стране второй половины 1980-х - первой половины 1990-х годов. Во-первых, никто и никогда для большого и сложного по составу населения государства таких долговременных графиков не строит. Демографическое поведение людей достаточно причудливо и не связано жестко с "обнищанием" или "ограблением" народа. Рождаемость может увеличиваться в самые тяжелые времена (например, десятилетие после второй мировой войны) и среди самых бедных групп населения (например, северокавказское село в последнее десятилетие). Еще следует толком изучить, что больше повлияло на сокращение рождаемости в России в 1990-е годы: "шоковая терапия" или радикальные изменения в сфере доступности контрацептивов и новые возможности выполнения более современных тестов и более простых операций по прерыванию ранней беременности. Сказался и отъезд за границу в более богатые страны на учебу и работу многих сотен молодых людей - фактор, который в объяснительных моделях специалистов фактически не присутствует. Но самое важное - даже незначительное улучшение экономической ситуации и психологического климата в стране, которое фактически уже имеет место, может сильно повлиять в ближайшем будущем как на рождаемость, так и на иммиграцию в Россию. Поэтому рисовать ужасающие графики крайне рискованно. Тем более, что ничего аналогичного в историческом опыте нашей и других стран не наблюдалось. Нам неизвестны современные государства, где бы население или доминирующая этническая общность сократились вдвое или втрое за 3-5 десятилетий.

Динамика численности населения страны складывается далеко не из одного только естественного движения населения. Иммиграция в Россию будет возрастать, учитывая ее огромную притягательность не только для культурно близкого населения других стран бывшего СССР, но и для жителей других стран, прежде всего китайцев. Последние не представляют собою носителей некой неадаптируемой "чуждой цивилизации", как считают некоторые специалисты⁵. Китайцы прекрасно адаптируются во многих, в том

числе и в европейских странах. Они даже без знания русского языка, по справедливому мнению демографа Ж. А. Зайончковской, могут составить серьезную конкуренцию на рынке иммигрантов для выходцев из той же Средней Азии. Вместо воспаленных и необоснованных сентенций насчет, якобы, уже происходящей китайской экспансии на Дальнем Востоке необходимо обсуждать привлечение китайской рабочей силы в страну и ее рациональное размещение.

Уже состоявшаяся иммиграция и неизбежная (к большому благу для страны!) будущая иммиграция обязательно повлияют на рост рождаемости в России уже в самые ближайшие годы. Все выстраиваемые графики грозящей в будущем демографической катастрофы ровным счетом ничего не стоят. Они, кстати, очень лукавы, ибо сходная ситуация существовала на территории РСФСР (особенно в так называемых "русских областях") и в 1970-80-е годы, а общий рост населения СССР обеспечивался за счет роста населения республик Средней Азии и Закавказья. Как я написал в одной из своих последних статей, "период реформ в России связан с некоторыми серьезными демографическими проблемами (прежде всего относительно высокая смертность, особенно среди мужчин и детей), но ни одна из них не может квалифицироваться как катастрофическая"6.

Официальная статистика почти всегда требует внимательного анализа и неизбежных корректив. Тот же Госкомстат России, например, дает данные о росте сельского населения в период 1992-1995 гг. (38,8 млн. человек в 1991 г. и 40 млн. человек в 1995 г.), т.е. о своеобразном процессе деурбанизации страны⁷. На самом же деле, здесь скорее всего имел место другой процесс, а именно перепрописка многих горожан в сельской местности в связи с процессом приватизации и ожиданиями граждан передачи земли в частную собственность. В наблюдаемой нами рязанской деревне Алтухово, по данным местного сельсовета, население в эти годы увеличилось на два десятка человек. Однако мои наблюдения этого не подтвердили: просто некоторые уехавшие ранее в Рязань или в Москву "сыновья и дочки" прописались на всякий случай в родительские дома и не более того. Это частное наблюдение подтвердила и Ж. А. Зайончковская относительно общей ситуации по стране, отметив к тому же, что в последние годы сельское население прибавилось на 811 тыс. человек за счет перевода городских пунктов в категорию сельских8.

Таким образом, перед переписью 2002 года стоит важнейшая задача установить более точную численность населения России. Неучтенное население - это извечная проблема переписей, но должны быть предусмотрены дополнительные меры, чтобы, например, сотни тысяч сезонных (часть из них фактически постоянные жители) рабочих и предпринимателей, которые занимаются строительством или торговлей в Москве и других городах или строят частные коттеджи в Подмосковье, попали в поле зрения переписчиков. Тем более данные не будут точными, если в перепись не попадут миллионы жителей из других стран, которые могут просто побояться встречи с переписчиком.

Закрытые железными дверьми подъезды домов и отдельных квартир - это, пожалуй, самая главная проблема предстоящей переписи. Уже сейчас необходимо объявить законодательную гарантию, что индивидуальные переписные данные не могут быть предоставлены никаким ведомствам и службам, судебным, налоговым и миграционным органам, частным запросам, включая исследователей (только по истечении минимум 50 лет). За нарушение - пять лет тюрьмы и 5 тысяч долларов штрафа, как, например, в США! Только так можно заранее создать климат доверия, без которого перепись будет фикцией и просто выброшенными на ветер деньгами.

К проблеме статистической инерции (не следует путать с важными вопросами преемственности и сопоставимости новых данных с данными предыдущих переписей) я бы отнес и набор многих рутинно фиксируемых госорганами данных. Достаточно взять раздел культуры, чтобы понять, как изменилась реальная ситуация и как отстала от нее статистика. За последнее десятилетие Российская Федерация стала одним из крупнейших в мире производителей (в большинстве нелегальных) и потребителей видеокассет и аудиокомпакт-дисков. Если продолжать фиксировать только число сельских киноустановок и число кинопосещений, тогда действительно - полный коллапс! Но если включить в статистику происходящее на "горбушках", культурное потребление будет выглядеть совсем в другом свете, в том числе и на селе. В деревне Алтухово за последние десять лет телевизоры появились в каждом доме и число просматриваемых жителями фильмов намного выросло по сравнению со временем, когда в деревне был Дом культуры, развали-

ны которого я застал в начале 1980-х годов. К переписи этот вопрос напрямую не относится, но он связан с общей характеристикой состояния культуры и образования в стране.

Как считать бедность и богатство?

Еще более важен вопрос о социальных условиях жизни. Доминирующая позиция обществоведов и политиков сводится к тезису, что в годы реформ произошло всеобщее обнищание и грандиозное социальное расслоение населения страны. Например, 20 июня 2000 г. в программе НТВ "Глас народа" Григорий Явлинский заявил, что "97% населения страны живет в нищете, а 3% - в богатстве". Обычно приводится цифра: 10% выиграло от реформ и 90% проиграло. В последнее время появились некоторые поправки в пользу "выигравших". Однако эмоциональная вовлеченность в пользу "катастройки" настолько велика, что даже затрудняет дискуссию, а некоторые считают, что выражение отличных или противоположных взглядов является нарушением неких "принятых этических норм".

Мои этнографические наблюдения радикально расходятся с "принятыми этическими" заключениями. Те, кто пишут об "обнищании народа", никаких убедительных данных не приводят, кроме мало надежных данных о сокращении потребления и об ухудшении состояния здоровья. Посетив в начале июня 2000 г. Дагестан - самый бедный, депрессивный и на 85% дотационный регион страны, если верить статистике и даже хорошим специалистам, - я еще больше убедился в наличии грандиозной мистификации относительно реального положения дел в стране и в своем выводе, что имеются основания говорить о позитивных трансформациях в России не только относительно идеологических свобод и общей демократизации.

Современный Дагестан предстает исключительно динамичным обществом, где люди буквально одержимы исполнением основной миссии - социальным обустройством собственной жизни, мобилизуя для этого не только самое изобретательное предпринимательство (в Махачкале, например, около 4 тысяч частных "Газелей" обслуживают пассажирские и транспортные перевозки), этнические и родственные коалиции, неправовые методы (элементарное воровство и мафиозные структуры), но и отчаянный торг с Центром за дополнительные ресурсы. В итоге, по крайней мере равнинная часть республики от Кизляра до Дербента, где сосредоточено около 70-80 % населения, совсем не демонстрирует бедность, если брать в расчет жилье, товары длительного пользования и престижного характера. Общие данные о состоянии здоровья населения по северокавказскому региону выглядят лучше, чем в других регионах страны, кроме Центрального, хотя в сельских районах республики распространяется туберкулез и есть серьезные проблемы с детской смертностью и здоровьем женской части населения. Здесь есть над чем задуматься статистикам, экономистам и социологам, если они хотят действительно "замерить" и "сосчитать" местные сообщества.

Само понятие "бедность" или "обнищание" относительно. Бедность в Великобритании или в США - это не бедность в Индии или в странах Африки. Смею утверждать, что Россия в данном случае скорее попадает в первую, чем во вторую категорию, а точнее в категорию стран Восточной Европы, Балтии и западной части стран СНГ. "Наша бедность" никак не согласуется не только с хорошей одеждой и драгоценностями в ушах жалующихся перед телекамерами, но и с более глубокими социологическими и демографическими характеристиками феномена бедности. Приведу наиболее важные моменты в этой связи, которые говорят скорее о "психологической" бедности образованного и имеющего завышенные социальные ожидания населения, а не о реальной нищете. Например, 10 из наиболее бедных стран, переживающих посткоммунистические трансформации (с совокупным доходом менее 1000 долларов на человека в год), имели среднюю детскую смертность 37 (число смертей на тысячу рожденных и доживших до одного года). Если взять страны остального мира с подобным уровнем доходов, то там средняя детская смертность составляет 81! Грамотность среди взрослого населения в этих 10 странах составляет 98%, а в остальных странах той же категории не более 70%. Общая рождаемость находится на уровне 2-3 детей по сравнению с 5 детьми в остальных странах мира с аналогичными доходами⁹. Другими словами, если некоторые посткоммунистические страны (кстати, Россия находится в несколько более благополучной категории по уровню доходов) действительно имеют бедное население, тогда в них должно умирать больше младенцев и гораздо больше рождаться, а также не может быть столь большого числа грамотных людей, ибо это тоже стоит больших денег.

Моя позиция "жить стало лучше" (кстати, без второй части фразы "но сложнее" не отражается ее ключевая суть) лишь только отчасти есть форма гуманитарной терапии, но на самом деле это полемический вызов, несостоятельному отечественному обществоведению, которое несет ответственность за метафоры "катастройки" и "обвалы", ибо порождает подобных чудовищ прежде всего в головах людей. Статистика не может вырваться из этого дискурса, ибо сама делается распропагандированными людьми или просто обслуживает политический запрос. Как можно оставлять без внимания наличие почти 40 миллионов земельных участков в собственности граждан, большая часть из которых была получена и обустроена именно в последние десять лет? Статистика (предстоящая перепись может не стать исключением) обходит частное загородное строительство, в том числе дополнительные постройки, перестройки и прочие улучшения, поскольку очень многие владельцы недвижимости не могут преодолеть канитель регистрации домостроений или не желают этого делать. Весьма вероятно, что многие не сообщат данные сведения и переписчикам в ходе переписи.

Но именно сюда (новые дома и квартиры) ушли основные ресурсы и средства граждан (в большинстве "изъятые", если хотите, украденные у государства и из окружающей среды), кроме многочисленных квартирных улучшений (новые окна, двери, сантехника, ремонт комнат, мебель и прочее). Кажется, что перепись может не зафиксировать и загородные особняки, ибо подавляющее большинство их считаются недостроенными или официально неоформленными. Если все это пройдет мимо, тогда цена предстоящей переписи в части социальных условий будет ничтожной. Можно ли исправить положение? Просто необходимо и для этого есть разные методы, которые следует дополнительно предусмотреть.

На чем основана моя убежденность в том, что уровень и объем социальных улучшений гораздо значимее, чем нас убеждает Госкомстат и многие ученые и публицисты? Вопервых, это - некоторые макропоказатели, как, например, производство в стране кирпича и других строительных материалов, коли-

чество потребляемой населением электроэнергии, объем производства и импорта легковых автомобилей, мебели, телевизоров, холодильников, текстиля, предметов быта и обихода, лекарств и многих других необходимых вещей. Не может же все это "скушать" мафия или даже 10% населения, если легковая машина (особенно после появления действительно "народного автомобиля" вазовских моделей) стала достоянием почти каждой семьи (если считать родителей и детей). Во-вторых, это - собственные этнографические наблюдения. При всем уважении к самым представительным обследованиям бюджетов домохозяйств, мои этнографические наблюдения малого уральского города Нижние Серги (17 тыс. жителей) и нескольких деревень, не говоря о московской агломерации, приводят к несколько иному выводу.

Хотя расчеты валового внутреннего продукта или доходов домохозяйств, используемые для оценки уровня бедности, как правило включают в себя оценки теневой экономики, более вероятно, что компенсация экономического спада деятельностью в неофициальном секторе намного больше, чем это принято считать. Тем более эта деятельность и многие механизмы "выживания" остаются вне сферы охвата статистики. Важнейшим моментом замещения доходов является, например, гораздо большая степень перераспределения средств в рамках родственных связей, когда более состоятельные родственники оказывают помощь менее состоятельным. Частные формы такого вспомоществования заменили в некоторой степени прошлую систему социального обеспечения. Добротной этнографии такого рода новых социальных отношений у нас, к сожалению, нет. Безусловно, в стране имеются случаи, когда и родители живут на детские социальные пособия, а некоторые специалисты отмечают этот фактор даже среди мотивов повышенной рождаемости, например, в сельских семьях Дагестана. Но не менее очевидно и другое: сегодня гораздо больше молодых людей помогают даже еще не старым и работающим родителям, чем это было в прошлые времена. Вся статистика говорит о том, что молодые когорты самодеятельного населения гораздо больше преуспели в новых условиях и эта ситуация однозначно принимается родителями. Отсюда один из моих выводов сводится к тому, что улучшение жизни детей есть общее улучшение, причем, не только в перспективе, но и в сегодняшнем дне.

Что и как считать в многоэтничной стране?

Это собственно говоря главный вопрос дискуссии, связанный с новой переписью. Он гораздо сложнее, чем представляет себе Госкомстат, решивший первоначально обойтись собственными силами при разработке этой части переписи. Он сложнее, чем содержание состоявшейся дискуссии на заседании Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН, по итогам которого С. В. Чешко и С. В. Соколовский написали свои материалы. Прежде всего зададим фундаментальный вопрос, что мы собираемся зафиксировать в переписи: некую номенклатуру "национальностей, национальных или этнографических групп" (как сейчас звучит формулировка вопроса переписи) или наличие у российских граждан (у российского народа) различных форм этнокультурной идентичности, которые часто носят множественный и не взаимоисключающий характер? Большинство развитых стран, проводящих всеобщие переписи, данные об этническом составе населения или совсем не фиксируют (предпочитая спрашивать об языке, религии или расе), или фиксируют этническую принадлежность в ее единичном или множественном варианте. Последняя перепись США, проведенная в начале 2000 г., позволяет давать множественный ответ не только на вопрос об этническом происхождении, но и на вопрос о расе. Кстати, все усилия американских ученых демонтировать понятие "раса" из академического и общественно-политического языка пока не привели к устранению данной категории из переписного листа: слишком сильна инерция в обществе воспринимать расовые категории населения как реальные и слишком много политики и денег крутиться вокруг вопроса о расе.

Что-то похожее мы имеем и в России применительно к категории этничности. Глубоко примордиалисткое понимание этой субстанции на протяжении десятилетий (фактически начиная с переписи 1926 г.) привело к глубокой вере, что население страны состоит из отдельных народов (этносов) и этнографических групп (субэтносов), которые и составляют реестр национальностей. К тому же большинство этнических общностей прошло этап лингвистической (выученной) "национализации", т.е. их представители считают себя "нациями" и это косвенно признается государством в конституционной записи о "многонациональном народе России", хотя больше нигде в федеральных законодательных и правовых текстах этнические общности не квалифицируются как "нации". Еще существует понятие "национальности" в смысле этнической, а не гражданской принадлежности. Причем считается, что национальность может быть только одна и только по одному из родителей. С отменой записи "национальность" в паспортах положение стало несколько лучше, ибо позволяет больший и сменяемый выбор этнических идентичностей и уменьшает возможность дискриминации по этническому признаку. Сохраняется только абсолютно глупая процедура записи национальности в свидетельстве о рождении, когда вновь рожденный человек вообще никакой этничностью не обладает. Но несостоятельность этой процедуры довольно скоро выявится, а сейчас она - не более чем небольшая задачка для родителей попробовать предугадать, кем их ребенку лучше быть в России.

Перепись отличается тем, что собирает агрегированные данные о национальной (этнической) принадлежности, т.е. как бы устанавливает количество и общую численность проживающих в стране этнических общностей (народов). Делается это на основе индивидуальной идентификации (личного самоопределения), кроме малолетних, за которых решают родители. Длительные споры идут о том, сколько народов реально проживает в стране. Некоторые полагают, что для выяснения действительно полной и объективной картины необходимо только позволить фиксировать все самоназвания (этнонимы) и не заниматься ИХ корректировкой "встречный" список народов, который готовится учеными 10. Этот подход исходит все из той же примордиалисткой посылки, что гдето в глубине социума и человеческого сознания существует подлинное "национальное, или этническое, самосознание", выражаемое в групповом самоназвании. Это самовыражение, якобы, не имело места в прошлом по причине отказа в признании со стороны государства и экспертов, которые отказывались "признавать этносы". По части отказа в признании - это действительно так: в советский период манипуляции с перечнем национальностей были довольно частыми и во многих случаях откровенно насильственными. Более того, даже сам по себе встречный список народов - это всегда не расширение, а суже-

ние числа этнических единиц. Но было и достаточно мирное конструирование "социалистических наций и народностей", в том числе и по рекомендациям ответственных ученых, по обсуждению и выбору местных элит, и даже по причине благозвучия. Проблема с данным подходом состоит в другом. Во-первых, в достаточно наивной вере, что этническая идентификация всегда есть некая эксклюзивность, всегда впереди других форм идентификации и всегда четко осознается человеком. На самом деле феномен этничности имеет более сложную природу, в том числе и прежде всего на личностном уровне¹¹. Прежде всего этническая идентичность может носить многоуровневый характер и трудно отказать ботлихцу, цумандинцу или ахвахцу, что он не может называться также и аварцем, или эрзянец не может одновременно называться мордвой (такая ошибка уже была допущена в переписи 1994 г.). Во-вторых, в стране проживают миллионы граждан смешанного этнического происхождения, разделяющие культуру, язык и самосознание как минимум обоих своих родителей. Почему их нужно ставить перед необходимостью взаимоисключающего выбора, даже если они привыкли это делать в предыдущие времена, не подозревая, что имеется и другой выбор за пределами госинструкций. В-третьих, этническая самоиндентификация столь подвижна и достаточно легко конструируется, что даже если одна перепись зафиксирует "полную картину этносов", то следующая перепись даст наверняка другой еще больший или меньший список, но обязательно отличный от предыдущего. К тому же право менять и определять свою национальную принадлежность и даже указывать или не указывать ее является полной прерогативой отдельного человека.

Поэтому отказ от списка ради "открытого листа", но с той же самой методологической установкой ничего не даст, кроме сумятицы и новых споров, кто есть народ, этнос, нация, этнографическая группа и т.п. Не спасает положения и предложение ввести иерархию этнических общностей как по линии "в основном проживающие на территории Российской Федерации" и "в основном проживающие за пределами", так и по линии вертикальной иерархии (этносы - субэтносы): например, казаки или поморы как субэтносы русских, а кряшены или мишари как субэтносы татар, дигорцы как субэтнос осетин и т. д. В конечном списке все равно останутся

национальности казаков, кряшен, дигорцев и других, которые или в списке не присутствовали или находились в некой подкатегории.

В нынешней общественно-политической ситуации идеальный с точки зрения современной науки вариант переписи этнического состава населения нам представляется невозможным. Дай Бог, преодолеть жесткое давление националистических сил и ассимиляционисткие установки местных администраций в пользу так называемых титульных национальностей в республиках. Не исключено и давление со стороны шовинистических групп и политиков приумножить "государствообразующий этнос". Отчаянную мобилизацию вокруг переписи могут устроить и лидеры малых групп, не имеющих территориальных автономий. Здесь важнее сохранить как можно больше свободы спокойного

выбора при разумных разъяснениях переписчиков. А разъяснения эти должны быть следующими: Вы можете определять одну, две или даже три национальных принадлежности или никакой: например, русский и еврей, украинец и армянин, татарин и башкир и т.п. Вы можете указать сложную национальность, обозначив ее через дефис: например, мокша-эрзя, осетин-дигорец, русский-казах, калмык-казак, русский-помор, булгар и т.п. Таковы на данной стадии мои предложения. Смогут ли ученые и статистики определить по итогам переписи тот самый "настоящий" список национальностей - это уже другой вопрос, и он не имеет принципиальной важности, ибо в России живет один народ - россияне, как и народы других крупных государств, характеризующийся богатством своей этнокультурной мозаики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Иванов В., Суворов А. Взгляд на жизнь // "Независимая газета-Полемика". 03.06.2000.
- 2.Один из наиболее квалифицированных обзоров роли миграции в России в новейший период см.: Ж.А. Зайончковская. Россия: миграция в разном масштабе времени. Центр по изучению проблем вынужденной миграции в СНГ и Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. Научные доклады. Вып. 1. М., 1999; О роли вынужденных миграций в постсоветских государствах см: В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. Под ред. А.Р. Вяткина, Н.П. Космарской, С.А. Панарина. М., 1999; а также три монографии под моей редакцией (Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., 1996; Вынужденные миграции: интеграция и возвращение. М., 1997; Вынужденные миграции и государство. М., 1998).
- 3. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. М., Госкомстат России. 1999. C. 53.
- 4. Приведу только одно из многих подобных высказываний: "Суммарный коэффициент рождаемости у русских женщин снизился до 1 (промилле) и продолжает снижаться, т.е. он в два-три раза меньше предельной нормы, за которой начинается вымирание народа... За последние три года численность русских в России уменьшилась более чем на 2 миллиона. И это

- только начало. К 2020 г. число потомственных (?! – В.Т.) русских в России должно сократиться до 85 млн. и в дальнейшем будет продолжать уменьшаться..." (Юрий Кобыщанов. Кто будет жить в России в XXI веке. // "Независимая газета". 10.02.1995).
- 5.Тот же автор, например, заключает свой текст следующим ксенофобским выводом: "Но в целом русское общество и Российское государство, конечно, не будут готовы к сосуществованию своих граждан с афро-азиатскими иммигрантами" // Там же.
- 6.Антропология российский трансформаций. // "Этнографическое Обозрение". 2000. № 1. С. 9. 7. Российский статистический ежегодник.
- 8.Ж. А. Зайончковская. Цит. соч. С. 16.
- 9. Wolf Scott. Recent Changes in Social Conditions of Countries in Transition. Eastern Europe, the Baltic States and the Commonwealth of Independent States. United Nations Research Institute for Social Development. Discussion Paper 117. Geneva. April. 2000. P. 38.
- 10.См. пример такого списка: Народы СССР. Краткий справочник. Отв. ред. С.П. Толстов. Институт этнографии АН СССР. М., 1958. Очередным списком в настоящее время занялся Институт этнологии и антропологии РАН.
- 11.См.: В.А.Тишков. Очерки теории и политической этничности в России. М., 1997.